
СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ

(Раздел ведет Тамара Булевич)

Сергей Прокопьев

(г. Омск)

ODNOKLASSNIKI.RU

— Па, заведем тебе страничку в «Одноклассниках»? Сайт по рейтингу порносайты обскакал.

— Машка, отвянь.

Дочь вообще-то Марина, Валера иначе как Машкой, к вящему удовольствию любимицы, не называл.

— Меня Лидка Кириш из Германии нашла. Помнишь, в седьмом классе нас застукал — курили. Еще по задницам нашлепал... Да больно так...

— Лидка, которая рыжая?

— Ну! После восьмого ушла в училище и потерялась. Сейчас в Дюссельдорфе парикмахером работает... А Лешка Панков, ты знаешь его — за мной в десятом классе ухлестывал, тот во Владике. Интересно... Заведем?

— У меня финансовый кризис снарядом в голове. Не знаю, как приспособиться...

— К снаряду?

— Машка, не зли — достукаешься!

Дочери что в лоб, что по лбу, еще та штучка-дрючка. Притащила ноутбук. Летом семьей ездили на остров Корфу. В какие-то веки выбрались. Машке нравилось фото: Валера по колено в волне, в шортах, красной футболке с надписью «СССР» и поднятой в приветствии рукой.

— Это поместим. Я сама тебя зарегистрирую.

— Думаешь, клюнет?

— Стопудово! Народ валом в «Одноклассники» валит...

...Настя не узнала Валеру на фото. Остальное сходилось. Оставила сообщение: «Двадцать девять лет назад дружила с парнем Валерой Бахтиным, он учился на втором курсе политеха». Через сутки заглянула на свою страничку. Бахтин три раза гостем — в два ночи, одиннадцать дня и восемь вечера — заходил. «Изучал мое фото», — решила. Написал: «А я двадцать девять лет назад бредил девушкой по имени Настя. Та Настя работала на заводе».

Но координат своих не оставил, похоже, сомневался: та ли знакомая. Настя описала детали их знакомства. В следующем сообщении Бахтин оставил номер сотового телефона и приписку: «Настенька, позвони обязательно!»

Когда в трубке раздалось сухое: «Слушаю»,— Настя не без волнения представилась.

— Здравствуй, Анастасия, а ты где?

— На работе.

— Давай встретимся? — предложил Валера.— Сейчас? Пообедаем...

— Не, сегодня не могу...

...Настя поначалу встречалась с другом Валеры — Петей Бойко. Завалив вступительные экзамены в институт, она пошла электромонтажницей на завод. Петя работал в соседнем цехе слесарем-сборщиком. Познакомились на туристическом слете. Оказались рядом в автобусе, который летел мимо пылающих золотом березовых рощ, облитых ласковым солнцем, вечером сидели бок о бок у костра, а потом, отойдя в березняк, долго целовались и, когда давали передышку губам, было слышно, как падают в темноту листья...

Петя ходил на херувимчика. Кудрявый, на щеках румянец, губы тонкие, жадные. У его брата-холостяка была квартира, он ездил на вахты в Сургут. На время вахты перед Петей стояла задача время от времени поливать цветы в квартире брата. С Настей полив приобрел ежевечернюю регулярность. Настя, дразнясь наготой, расхаживала по квартире с кувшином...

Брат вернулся из Сургута как раз перед уходом Пети в армию.

На проводы пришло трое Петиных друзей, среди них Валера Бахтин, двоюродная сестра, бабушка. Брат опоздал, появился в подпитии. Стограммовым глотком опорожнил рюмку и ну донимать Настю: «Скажи-ка, что будешь ждать Петю». «Буду-буду!» — попыталась отшутиться Настя. «Нет! Встань и ясно, четко, с расстановкой... Петя примет присягу на верность Родине, а ты здесь должна дать слово!» «Не вяжись к ней!» — пытался урезонить брата Петя. «Молчи, салапет, внимай, что говорит старший сержант запаса!» Весь стол повернулся к Насте. С Петей ни разу не заходил разговор «ждать не ждать». Дружили и дружили. Разряжая дурацкую паузу, Настя встала: «Служи, Петя, спокойно, буду ждать!» «Спасибо!» — серьезно воспринял услышанное Петя. Остальные с удвоенной энергией, как показалось Насте, набросились на еду и выпивку.

Утром Петю провожали Настя и Валера. Неделей ранее Петя вручил Насте фото, где стоял в обнимку с Валерой: «Мой лучший друг! Если что — поможет». На обороте написал номер телефона друга.

Метров за пятьдесят до военкомата Петя резко остановился: «Все! Дальше вам делать нечего!» Впился Насте в губы, сжал так, что Настя ойкнула. Обнял Валеру и пошел, не оглядываясь.

— Тебе на завод? — спросил Валера.

— Взяла отгул, думала побыть у военкомата, пока не повезут...

— Айда в кино?

Они посмотрели в полупустом зале фильм, а после него поехали к Валере. У него была запись рок-оперы «Орфей и Эвредика». Настя сидела в стереонаушниках, каждый с добрую чайную чашку, и слушала: «Орфей полюбил Эвредика. Какая старая-старая история...»

Банальная история... Валера, взявшись за наушники, повернул голову Насти к себе и поцеловал. Сначала быстро, как украд, потом, не встретив возмущения, надолго припал к подвижным губам...

Через полчаса они — чуть прикрыв разгоряченные тела, Валера полотенцем, Настя пледом — уписывали на кухне пирожки с капустой. Зазвонил телефон.

Валера поговорил и с растерянной улыбкой произнес: «Петю отпустили на три дня, до понедельника». И попросил: «Уезжай из города на субботу-воскресенье. Не хочу, чтобы вы увиделись».

В понедельник встретил Настю у проходной. И закружило их на два счастливых

месяца. Ей не было восемнадцати, смена короче на час, после нее летела к Валере. В запасе у неистовых влюбленных было час-полтора, пока родители не возвращались с работы... При родителях слушали музыку, смотрели телевизор. Насте нравилось у них. Ухоженная квартира, от занавесок до подушечек на диване — все сделано хозяйкой-мастерицей... Мать Валеры пекла бесподобные пирожки. Подавала с бульоном. Относилась к Насте, не проявляя ни особого интереса, ни неприязни. Потом Валера скажет: «Мать предупреждала: ”Настя легко бросила Петю и с тобой также поступит...”» В воскресенье уединиться было негде, Валера придумал печатать фотографии. Закрывались с Настей в ванной, и печатали с чудовищным браком, то и дело передерживая фото в проявителе или закрепителе. Однажды под ними с грохотом сломалась табуретка. Падая, Валера зацепил шнур красного фонаря, он со взрывом разбился.

— Что у вас там? — затарабанила в дверь мать.— Откройте!

— Нельзя, засветим...

Не засветились...

Валера побежал к соседу за фонарем...

...Настя плохо спала перед их встречей, вспоминала... Всплыл случай в ванной, сильно ударились тогда о край умывальника...

Валера подъехал на шикарной «Тойоте». Вышел из машины, открыл даме дверцу...

— Целоваться будем? — прятала Настя волнение игривостью.

— А то! — Валера ткнулся в накрашенные губы, предложил маршрут: — В ресторан?

Себе заказал мясо и сок. Настя попросила рыбу и, подумав, бокал красного вина. Сердце колотилось, лицо предательски горело. Она сделала два крупных глотка, хмель успокаивающе ударил в голову. Валерина нижняя губа периодически секундно сжималась. Этот признак нервозности Настя хорошо помнила. Волосы у него по-прежнему густые. Когда-то завидовала: «Зачем парню такая роскошь?» Наполовину седые. Морщины под глазами, морщины прорезали лицо...

Говорил Валера в сторону, будто не решаясь встретиться глазами. На вопрос: «Чем занимаешься?» — поначалу ответил:

— Да так, фирма.

Принявшись рассказывать, оживился:

— Защитил диссертацию и надоело нищенствовать. Занимался зерном, лесом, коптил рыбу. У меня компаньон классный. Трудоголик и постоянно гвоздь в мозгах: нужны новые идеи. Вышли на порошковую металлургию, поднялись. Одними из первых в городе обзавелись камерой полимерного покрытия, недавно приобрели лазерный станок для раскройки металла, немецкий обрабатывающий центр. Думаем открыть консалтинговую фирму. Направление перспективное. Подтягиваем группу серьезных специалистов с наработками... Да и жена у меня хороший юрист. Отдыхать не умею... А ты как?

Настя окончила пединститут, пять лет учительствовала, было время — стояла на оптовке. Сейчас редактор в издательстве.

— Так что рабочая девушка выросла,— сказала, смеясь.

Сказала с намеком...

...На Новый 1979-й год Валера привел ее в компанию одноклассников. И Настя очутилась в ситуации: «вы, девушка, сбоку припеку на нашем празднике жизни». Человек заводной — песни погорланить, потанцевать с пылью до потолка — она вдруг ощутила себя лишней. Ее откровенно игнорировали. Сопи, мол, в две дырочки и не вякай. Лишь парень, сидевший за столом рядом, проявил интерес из серии «Кто? Что? Где?» Остальные подчеркнуто не замечали юной рабочей девушки. В час ночи она сказала Валере: «Пошли».

А вскоре расстались. У Насти случилась задержка. Валеру известие о возможной беременности ввергло в нервный приступ смеха. Ржачного хохота. Будто анекдот услышал. Успокоившись, сбивчиво заговорил: «Какой ребенок? Мне девятнадцать лет, еще четыре года учиться». «Валерочка, мы горы вдвоем свернем! Я могу воспитывать малыша и работать техничкой, дворником... А ты учись!» — «Сказать легко! А где жить?»

Тревога оказалась ложной. Валера обрадовался, не удержав: «Как я тебя люблю!» Облапал Настю, закружил. Они были в пустынном парке. Накануне разразился щедрый снегопад. Валера, увлекая за собой Настю, упал в искристый снег. Как в перине утонули в высоком сугробе. Снег лез за шиворот, в рукава... Настя зачерпнула варежкой из сугроба и швырнула Валере в лицо, он залепил ее смеющийся рот поцелуем...

На каникулы он уехал в спортивный лагерь, занимался самбо. Вернулся через десять дней и сразу помчался на проходную встречать Настю, и оказался не единственным встречающим. Настя миновала турникет, и вот те на — к ней шагнул парень в черном полушубке.

Настя попросила парня пойти вперед, объяснила Валере: «Этому человеку я нужна не для кувыркания по вечерам, а с серьезными намерениями».

Валера заговорил быстро-быстро: «Куда тебя несет? Одумайся! В спортлагере просыпался и засыпал с мыслью о тебе. Наврал тренеру про больную мать, приехал раньше! Не время мне жениться, подожди!» «А ему время!» — Настя указала на парня. «Ты же не любишь его!» «А кто сказал, что тебя люблю?» — выдавила из себя Настя. «Хочешь, поженимся, хоть завтра...»

...Валера заказал себе зеленый чай, Настя попросила кофе.

— Меня девять лет преследовал сон,— рассматривая что-то на скатерти, сказал Валера.— Девять лет. Потом сделали операцию на желудке, и будто с язвой вырезали его.

Сон был тревожный, тягостный. Валера искал ее. Последний раз они виделись в начале февраля. В воскресенье к Насте прибежала подруга: «Тебя парень зовет». За домами до Иртыша простирался пустырь. Малую его часть занимал стадион. Футбольные ворота, баскетбольная площадка. Небольшие трибуны. На пустыре целиной лежал снег и только на футбольном поле был утоптан. Валера ждал Настю на трибуне. Тянул холодный ветер. Было неуютно. И они объяснились в последний раз. Валера просил: «Давай поженимся. Пусть будут дети, пусть будет все, как ты хочешь...»

В повторяющемся сне Валера видел заснеженное поле, оно обрывалось крутым берегом небольшой реки, на противоположенном берегу торчали голые деревья. Валера, проваливаясь в снег, торопился к зарослям. Он знал — за ними Настя. Надо перейти реку, и будут вместе... День хмурый, гнетущий. Низкие облака. Валера таранил грудью сыпучий снег. Наконец скатился с обрыва. Оставалось перейти по льду реку... И вдруг в спину ударил ветер. Валера повернулся... А перед ним бушующая белая стена снега. Нет ни поля, ни неба... Только гудящая преграда. Он бросился бежать по льду... Но и здесь встала живая, непроницаемая стена. Валера пытался пробить ее криком: «Настя, подожди!» Вой пурги глушил голос, снег забивал рот...

После этого сна все валилось из рук...

— Больше так никого не любил... Ты первая и последняя. Сколько раз задавал себе вопрос: «Чем вошла в сердце?»

— Тебе нужна была женщина, тут я... во всем уступающая...

— Еще скажи — физиология виновата...

— Знаешь, сегодня утром подумала: может, я спасла тебя. У меня была тетка на Украине, гадала по руке. Приехала к нам в гости... И что-то я с двоюродной сестрой, в классе пятом учились, прибежали: тетя Люся, погадайте... Сестре напроорочила: рано выйдет замуж... На мою ладонь посмотрела и говорит: хорошая девочка. И все.

Потом сказала даже не матери, другой родственнице: я рано овдовею. Может, я вас с Петей спасла. Муж погиб в автокатастрофе... Одиннадцать лет мы прожили... Так бы ты на его месте...

— Ерунда. Мне цыганка сына и дочку наобещала, а всего-то дочка одна одишенькая. А у тебя?

— Сын и дочь.

— Ты мне их должна была родить. Мне, понимаешь?!

— Тогда бы ты погиб...

— Сказки все...

Этот диалог они вели уже в машине. Валера свернул с проспекта, избегая потенциальных пробок, поехал по дворам пятиэтажек.

— Хочешь,— спросил после паузы,— с Петей поговорить? Мы по-прежнему в друзьях. Недавно помог ему с деньгами — машину покупал.

Валера заговорил в трубку о рыбалке, а потом произнес: «Ты как насчет того, чтобы Настю услышать, что тебя в армию провожала?.. У меня в машине...»

Трубка завопила счастливым голосом: «Настя, не верю! Не может быть! Неужели ты? Надо увидеться!»

Настя вернула телефон, Валера произнес в него несколько фраз. Отключившись, сказал недовольно:

— У него даже голос задрожал, как с тобой поговорил...

А потом предложил:

— Слушай, поехали за город. В лесу хорошо... Побродим, костерок разведем...

— Не могу, на работу...

Валера подвез Настю к издательству. Договорились «созвониться как-нибудь».

В салоне остался сладковатый запах духов. Валере вдруг стало тоскливо. Сумятица вползла в душу.

«Зачем мне это, зачем? — повторял, глядя на бегущую под колеса дорогу.— Нет той восторженной Насти! И никогда не будет! Забыть и растереть! Она потолстела, морщины под глазами, руки, как пергаментные... Зачем я полез в Интернет? Дурак! Дурак! Не надо мне это!»

Ночью приснилось заснеженное поле, которое вдруг вздыбила бешеная пурга... Валера кричал в мятущийся, заполонивший весь мир снег: «Настя! Я здесь! Иди ко мне!..»

Валентина Ерофеева-Тверская
(г. Омск)

* * *

Моя тоска не в меру гордая,
Непроходящая тоска.
Домов уснувших крыши горбятся.
Звезда манящая близка...
Лишь руку протяни — уколется,
Лукаво светится в ночи.
А там, за дальнею околицей
В дремотной неге лес молчит.
Тоска со мной шаги печатает,
Быть может, день прошел не так?!
Тоска — тоской, печаль — печалью.
Звезда!..
Летит...—
Небесный знак.

* * *

Памяти Аркадия Кутилова

Молчи звезда, не накликай беды,
Твой свет дошел, а ты давно остыла.
Крыло метели, словно белый дым
Дома и лужи и мосты накрыло.
Тревожна ночь в мерцании твоём.
Кружатся сны, окутанные белым.
Глядит луна задумчиво в проем,
А там, за этим рамочным пределом,
Распахнут мир полету и мечте,—
С метельной песней есть желанье слиться,
Надеждой вспыхнуть — молодой звезде,
Зажечь свечу и Богу помолиться.

* * *

Что ты жмешься
 месяц однобокий
К моему открытому
 окну
Мы с тобой сегодня

одиноким,
Нам с тобой на пару
не уснуть.
Не томись, и не томи
печалью.
Грусть пройдет,
тревога пропадет.
Мы расправим крылья
за плечами,
Посмотри,
какая ночь грядет!

* * *

Неизбывная лень,—
Недопитое чувство печали,
И холодных ветров
Закононый пронзительный вой.
Мне тоскуется чаще,
И все чаще не спится ночами,
И фонарь под балконом
Упрямо скрипит головой.
Но в сибирской зиме,
Длинной ночи и ветре разгульном
Место все-таки есть
Для моей непокорной души.
Тишину пробивают
Машины разбойничьим гулом.
На оконном стекле
Сеть узоров, и как хороши!

ДОБРЫЙ ДРУГ

Посвящается А. В. Артемову

Просияла душа,
снова встретившись с Тарой.
Растворяюсь в кварталах
домов деревянных
в украшеньях наличников
и голубеньких ставен,
там, где травяные запахи
ароматов медвяных.
Темной нитью урман
горизонт прошивает,
по сибирским раздольям
кочуют туманы.
В этом славном краю
сотни лет проживает
легендарный народ
дивной родины малой.
Бальзамино-шафрановый

август подкрался,
любопытных рябинок
полно в палисадах.
Тот, кто лето приветствовал,
явно старался:
все пропахло в округе
вареньями сладко.
Не причесаны в городе
клены да ивы,
по столичному здесь
не встречают проспекты,
но зато здесь закаты
безумно красивы,
и всюю голосисты
могучие ветры.
Вдоль Аркарки* бреду.
Притомленный, усталый
звук шагов приглушается
в травном шуршанье.
Сотни милых чудес
и загадок у Тары
От того и не надолго
будет прощанье...

* Местная река.

Владимир Корнилов
(г. Братск)

РУСЬ ПРАВОСЛАВНАЯ

Корнилов Владимир Васильевич, родился 10.01.1947 г. в с. Октябрьское Челябинской области. Член СП России, выпускник Литинститута им. Горького. Автор 15-ти поэтических книг. Лауреат Международного поэтического конкурса «Звезда полей-2010» им. Н. Рубцова и «Сибирского литературного конкурса им. Геннадия Карпунина-2008». Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Все-русский соборъ», «Юность», «Сибирские огни», «Сибирь», «Огни Кузбасса», альманахах «Поэзия», «Истоки», в Антологиях «Иркутской поэзии» и «Сибирской поэзии». Более 15 лет работает во Дворце детского и юношеского творчества г. Братска. За плодотворную работу с литературно-одаренными детьми присвоено звание «Почетный работник общего образования РФ» и высшая квалификационная категория.

КУЗНЕЦ КОРНИЛА

Он не водил компаний бражных
Не хороводился весной,
Но вот в Николин день однажды
Заслал сватов к вдове одной.
...Венчал его с соседкой Фросей
В церквушке сельской рыжий поп.
И всю деревню в эту осень
На свадьбе тряс хмельной озноб.
Отец напутствовал сурово:
«Ты, сын, про счастье не долдонь!
Оно серебряной подковой
Само не ляжет на ладонь!»
И день спустя у кузни старой
Корнила был уже с женой.
Вновь наковальня от ударов
Обряд творила грозный свой.
Бугрились руки мышцей каждой.
Пудовый молот: выдох-вдох.
С лицом, покрытым едкой сажей,
Он был красив, как в гневе Бог...
В поющем пламени горнила,
Нагрев до белых брызг металл,
Прапрадед мой — кузнец Корнила
Мою фамилию ковал.

НА ДЕЛЯНЕ

Маме

С чем сравнить материнскую силу?..
На исходе январского дня
Мать, обнявши седую осину,
Родила на дяляне меня..
Лес был полон рабочего люда.
Пели пилы, и ухал колун.
Каркал ворон, встревоженный гудом,
Одряхлевший, как старый колдун.
Храп озябших коней от мороза,
Говор баб, нагружавших дрова,—
Все вдруг смолкло, когда у обоза
Возле нас хлопотала вдова.
Дед, склонившись над крошечным чудом,
Мял ушанку и часто моргал:
«Эй вы, бабы! За внука не худо б
Четвертинку да кус пирога!»
И, укутав нас теплым тулупом,
Вожжи в руки — и прямо в село.
Вслед судачили бабы: «Не глупо ль —
На дяляну родить понесло?!»
...Недороды да бедность по селам.
Даже песни не пелись без слез.
Дед же въехал в деревню веселым:
«Мужики! Пополнение привез!».

УЧИТЕЛЬНИЦА

Антонине Павловне Никифоровой

Она входила в класс всегда
С лицом чуть строгим, но приветливым.
Какие бури и года
На нем оставили отметины?..
Из родников ее души
Мы опыт черпали накопленный.
...Вот перед нами Русь в тиши
На рубежах застыла копьями...
Мы видим сквозь туман веков,
Как по степи хазары мечутся...
Вот на виду у казаков
Тараса Бульбу жгут над вечностью.
От гари черным был рассвет,
Да горе вдовье колобродило...
И мы в свои тринадцать лет
Осознавали слово Родина...
В словах учительницы гнев
И боль, и гордость затаенная.
И представлялась нам в огне
Земля отцов непокоренная...
А стон врагов и стук копыт
Терялись там, вдали, за грозами.
...Но Русь по-прежнему стоит, —
В озера смотрится березами.

ЛЮБИМАЯ БАБУШКА

*Светлой памяти моей бабушки,
Корниловой Ефросиньи Петровны*

Для меня ты всех родней на свете!
Я твоей завидую судьбе:
Даже мама с папою, как дети,
За советом тянутся к тебе...
Если в школе получу я двойку,—
Пожуришь, но скажешь: «Не беда!»
Не устроишь мне головомойку,
Как мой папа делает всегда...
Приголубишь, угостишь конфетой,
Отогреешь сердце мне зимой.
От тепла и твоего привета
Вновь счастливый я уйду домой.
...Милая и добрая бабуля,
От души тебя благодарю!
В день рожденья все цветы июля
Я тебе, родная, подарю!
Обниму за худенькие плечи,
Самых нежных слов нащечечу.
... Мне с тобой в такой прекрасный вечер
Все невзгоды детства по плечу.

ПРАЗДНИК ЗИМНИЙ НИКОЛА

Народному хору «Русское поле»

Тонкие снежные блестки
Ангелы сеют с небес.
В инее белом березки
Сгрудились кучкой невест.
Всюду узоры в оконцах.
Весел и праздничен день.
Зимний Никола под солнцем
Льет колокольную звень.
...Музыкой горней* влекомы,
Люди к молебну спешат,
Чтобы у Божьей иконы
Вновь освятилась душа...
Возле церковной ограды,
Много нарядных старух,
Крестятся — празднику рады,
Глянешь — заходится дух.
... Значит, еще не померкли
Радость людская и грусть,
Если толпится у церкви
Наша исконная Русь.

* Горний — небесный.